Мария Лиэль

Скорая помощь для нелюдей

Мария Лиэль

Скорая помощь для нелюдей

https://litres.ru/74716948
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера-фельдшер скорой помощи. Она привыкла к ночным сменам, хрусту чужих ребер и растворимому кофе. В своем мире, не в этом...

Содержание

Глава 1. Проснуться в карете 4
Глава 2. Неправильный мир 18
Глава 3. Оборотень и куриная кость 30
Глава 4. Роды у горгульи 38
Глава 5. Алхимик Тео 49
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Мария Лиэль
Скорая помощь для нелюдей

Глава 1. Проснуться в карете

График третьей смены — вещь бесчеловечная по определению.

Вера знала это, когда подписывала контракт. Знала, когда получала расчётные за прошлый месяц. Знала, когда заваривала четвёртую кружку растворимого кофе и смотрела на часы.

Пятьдесят две минуты пятого утра. Третий вызов за ночь. Мужчина с болью в груди — ничего критичного, можно было и не выезжать, но диспетчер перестраховалась. Вера сделала кардиограмму, измерила давление, сказала: «Дышите глубже, вы просто переели на ночь», заполнила карту, пока водитель ругался на красный свет.

Дальше — дорога на подстанцию. Тёплая, убаюкивающая тряска.

Вера помнила, как положила голову на рюкзак. Как подумала: «Закрою глаза на минуту».

Следующее, что она осознала — запах.

Не тот запах, который бывает в машине «скорой» после суточной смены: перекись водорода, чужой пот, дешёвый кофе, резина от капельницы и немного бензина. Этот запах был другим.

Сырость. Гниющие листья. Водоросли. Болото. И ещё что-то — металлическое, искрящееся, электрическое. Как если лизнуть пальчиковую батарейку, только носом.

Вера чихнула и открыла глаза.

Потолок отсутствовал.

Вместо него — серое осеннее небо, затянутое низкими облаками. И эти облака двигались — слишком быстро, будто её что-то везло.

Её везли.

Вера села — и голова сразу закружилась. Внутри всё было вязким, замедленным, как после тяжёлого удара. Она огляделась. Жёсткое сиденье, обитое потёртым тёмно-зелёным бархатом. Деревянные стены с резными панелями. Окна, затянутые чем-то мутным, похожим на застывшую смолу. В углу — рюкзак. Синий, потёртый, с выцветшей эмблемой станции скорой помощи.

Карета.

Настоящая карета.

Стук. Ритмичный, глухой, с металлическим отзвуком.

Копыта. Но не те, к которым она привыкла.

Вера повернулась к передней стенке — там, где должна была быть занавеска. Отдёрнула её.

И замерла.

Скелеты.

Два лошадиных скелета были впряжены в карету. Кости — белые, чистые, как анатомическое пособие. Все кости — от черепов до хвостовых позвонков — соединялись тёмными, пульсирующими прожилками, похожими на гниющие нити. Эти нити медленно сокращались, как мышцы — если бы мышцы могли быть чёрными, как дёготь, и светиться изнутри тусклым багровым.

В глазницах горели огоньки. Оранжевые, маленькие, злые. Они не давали тепла — только свет, неприятный, колючий. Вера смотрела в них, и ей казалось, что огоньки смотрят в ответ.

Скелеты шли легко, без напряжения, перебирая костяными ногами по грунтовой дороге. Копыта — на самом деле кости пальцев — стучали по камням с неприятным, похожим на щёлканье позвонков звуком.

Вера смотрела на это ровно три секунды.

Потом медленно, очень медленно опустила занавеску.

— Ага, — сказала она вслух. Голос был сухим, чужим. — У меня галлюцинации.

Она зажмурилась. Открыла. Скелеты никуда не делись — она слышала их шаги, костяные щелчки, смешивающиеся со скрипом колёс. Запах — металлический, болотный — никуда не делся.

Она ущипнула себя за руку. Больно. Потом ещё раз —

сильнее, до синяка.

— Не поможет, — сказал кто-то сверху.

Вера подняла голову.

На перекладине, прямо над дверцей, сидел ворон. Чёрный, лохматый, размером с кошку. Перья на его груди отливали синим — как масло на воде. Он смотрел на Веру тёмно-карими глазами — внимательно, нагло, с выражением глубокого превосходства.

В его взгляде читалось: «Я знаю что-то, чего не знаешь ты, и мне это нравится».

— Галлюцинации, — повторила Вера. — Я сплю.

— Ты так думаешь? — Ворон наклонил голову. Голос у него был скрипучим, каркающим, но слова выговаривал он чётко, даже педантично.

— Я знаю. Со мной такое бывает после суточных. Мозг перегревается. Начинает выдавать странные картинки.

— И скелеты?

— Самые странные, что у меня были.

— А я? — Ворон спрыгнул с перекладины, подлетел к Вере и клюнул её в руку.

Больно. Сильно — до крови, до ссадины. Клюв у него был острый, как игла.

— Ай! — Вера отдёрнула руку, прижала к груди. На тыльной стороне ладони алела свежая царапина, из которой медленно сочилась кровь. — Ты… ты меня клюнул.

— Клюв. Меня зовут Клюв. — Ворон вернулся на пере-

кладину и принялся чистить клюв о лапу. — А галлюцинации не оставляют следов. А ты посмотри.

Вера посмотрела на руку. Кровь была настоящей — тёплой, липкой. Она лизнула ранку — вкус железа, соли и чего-то ещё, неуловимого.

— Это не сон, — сказала она.

— Не сон, — подтвердил ворон. — И не галлюцинации. Поздравляю. Ты теперь здесь.

Вера закрыла глаза. Посидела так несколько секунд. Потом спросила, не открывая глаз:

— Где «здесь»?

— В карете, — терпеливо ответил Клюв. — Которую везут скелеты лошадей.

— А «здесь» — это какой город?

— Никакой. Провинция. Княжество Трёх Рек, если ты про административное деление. Если про географию — западная окраина, недалеко от Гнилого болота.

— А в моём мире есть «Гнилое болото»?

— В твоём мире есть много чего, — сказал Клюв. — Но этого — нет.

Вера открыла глаза.

— И как мне вернуться?

— Никак, — спокойно ответил ворон. — Никто не возвращался. Это не командировка. Это переселение.

Она хотела спросить ещё — «почему я?», «надолго ли?», «кто тебя научил говорить?» — но карета замедлилась. Ске-

леты зацокали медленнее, потом остановились.

— Приехали, — сказал Клюв, спрыгивая с перекладины. — Вызов. Русалка. Омут Забытых Вод. Отёк жабр, задыхается. Синий код.

— Синий — это…

— Если не приедешь — умрёт. — Ворон клювом отдёрнул засов. — Давай, фельдшер. Покажи класс.

Вера вышла из кареты.

Ноги ступили на мокрую траву. Сырость пропитала джинсы до колен — неприятно, холодно. Вокруг — лес. Чахлые берёзы с облезлой корой, низкий кустарник, папоротник. Ветра почти нет, но воздух движется — тяжёлый, влажный, пахнущий тиной и стоячей водой.

Воздух здесь был другим. Более плотным, что ли. Каждый вдох отдавал в лёгких металлическим привкусом, как будто она дышала не кислородом, а разряженной батарейкой. Голова слегка кружилась — или это от ужаса?

В центре поляны — омут. Чёрная вода, почти неподвижная, с зеленоватой пеной по краям. В пене плавали какие-то жуки и мелкие листья.

На берегу лежала русалка.

Вера никогда не видела русалок. В её мире их не существовало. Но, видимо, её мозг прекрасно справлялся с задачей «дорисовать реальность», потому что русалка выглядела до ужаса настоящей.

Хвост — тёмно-зелёный, переливающийся, с крупной ры-

бьей чешуёй. Чешуя была тусклой, кое-где облезлой — как будто её тёрли об камни. Волосы — спутанные, с мелкими ракушками и кусочками ряски, прилипшими к прядям. Лицо — бледное, с синевой вокруг губ. И горло — распухшее, с какими-то щелями по бокам.

Жабры.

Три дугообразных разреза с каждой стороны шеи. Припухшие, неестественно красные, они почти не шевелились. Русалка хватала ртом воздух — широко, непродуктивно, как рыба, которую выбросили на берег. Грудь почти не поднималась.

Рядом стояли двое. Парень лет двадцати, в замызганной рубахе, с удочкой в руке — трясся, смотрел на русалку полными ужаса глазами. И старуха в тёплой серой шали, несмотря на сентябрьскую сырость — сухая, жилистая, с острым взглядом.

— Дышит? — спросила Вера, подходя ближе.

— Еле-еле, — ответила старуха. — Ты новенькая? А где маг?

— Мага не будет, — сказал Клюв, усевшись на ветку ближайшей берёзы. — Фельдшер приехала.

— Фельдшер? — переспросил парень, косясь на Веру. — А она справится?

— Помолчите оба, — бросила Вера, опускаясь на колени рядом с русалкой.

Трава была мокрой. Холод проник сквозь джинсы мгно-

венно. Но Вера не обращала внимания — она смотрела на пациентку, проверяя.

Дыхание — поверхностное, хриплое, с булькающим звуком. Пульс на запястье — холодная, липкая кожа, под ней тонкая, как у птицы, кость — частый, нитевидный, сто двадцать — сто тридцать ударов в минуту. Губы и пальцы синие — гипоксия. Сознание заторможенное — глаза мутные, на вопросы не отвечает. Зрачки — одинаковые, реагируют на свет — это хорошо.

Отёк Квинке.

Классика. Аллергическая реакция, отёк слизистой дыхательных путей. У человека опухали бы губы, язык, гортань. У русалки — жабры.

— Что она ела? — спросила Вера, расстёгивая чемоданчик. — Что-то новое в последние часы?

— Цветущий тростник, — сказал парень. — Она вчера попробовала. Сладкий, говорит. А сегодня утром жабры распухли. Мы сначала не поняли, а потом она дышать перестала.

— Аллерген, — кивнула Вера. — Ясно.

Она достала адреналин. Проверила ампулу на свет — раствор прозрачный, без осадка. Вскрыла зубами — руки тряслись, не слушались. Набрала в шприц. Дозу прикинула на глаз — вес пациентки примерно как у неё самой, может, чуть меньше. Лет семнадцать, не больше.

Вера положила шприц на стерильную салфетку и верну-

лась к жабрам.

Они были переполнены жидкостью — отёк перекрыл жаберные щели почти полностью. Только одна, самая нижняя с левой стороны, чуть приоткрывалась — на миллиметр, не больше.

Через неё Вера могла попытаться доставить воздух в лёгкие.

Но нужна была трубка. Тонкая, гибкая, стерильная.

— У тебя есть что-то вроде… — Вера обернулась к старухе. — Трубка. Полая. Чтобы воздух проходил.

— Нет, — ответила старуха.

— Соломинка. Коктейльная.

— Что?

— Неважно.

Вера достала скальпель. Сорвала упаковку зубами, вытащила инструмент.

— А если я откажусь? — спросила она себя. — Если скажу: «Нет, это не моя работа, я не буду резать чужую русалку»?

— Тогда она умрёт, — сказал Клюв с ветки. — А тебя заменят. Быстро.

Вера посмотрела на русалку. Та уже не хватала воздух — просто лежала с открытым ртом, глядя в небо мутными глазами.

— Чёрт с тобой, — сказала Вера.

Она взяла шприц — тот, в который набрала адреналин.

Отсоединила иглу, срезала ножницами колпачок. Получилась короткая полая трубочка. Сантиметра три. Не стерильно, но лучше, чем ничего.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил парень.

— Коникотомию, — ответила Вера, не поднимая головы. — Открываю доступ воздуха.

— Но у неё нет горла, у неё жабры!

— Анатомия другая, принцип тот же, — отрезала Вера. — Держите её, чтобы не дёргалась.

Старуха молча положила руки на плечи русалке. Парень замешкался, потом тоже прижал хвост к земле.

Вера пальцами левой руки нащупала жаберную щель — ту самую, нижнюю. Правой ввела трубку в разрез — осторожно, неглубоко, под углом, чтобы не порвать ткани. Трубка вошла на полсантиметра — и упёрлась.

Русалка дёрнулась, застонала — что-то нечленораздельное, похожее на «не надо».

— Надо, — сказала Вера. — Терпи.

Она наклонилась и подула в трубку.

Своими лёгкими. Без мешка Амбу, без аппарата ИВЛ, без кислорода. Вдохнула — выдохнула в трубку. Один раз. Второй.

Воздух пошёл. С хрипом, с бульканьем, не весь — часть уходила мимо, потому что трубка была недостаточно герметичной. Но часть — попадала в жабры, а оттуда — в лёгкие.

Вера подула третий раз.

Русалка закашлялась. Грудь её дёрнулась — и поднялась. Сама.

Вдох.

Медленный, со свистом, с клокотанием в груди — но вдох.

Синева с губ начала спадать — не сразу, по миллиметру. От уголков рта к центру, от центра к щекам.

Вера выпрямилась. Спина затекла, колени промокли насквозь, руки дрожали — мелкой противной дрожью.

— Дышит, — сказала она.

— Жива? — спросил парень.

— Жива.

— А ты?

— Не знаю.

Вера взяла шприц с адреналином. Уколола в мышцу, в плечо — русалка даже не почувствовала, слишком слабая была.

— Отёк спадает минут через двадцать, — сказала Вера, собирая инструменты. — Трубку вытащите, когда начнёт дышать без хрипов. Не раньше. Рану зашьёте — игла есть?

— Есть, — кивнула старуха. — Я в молодости корабельным врачом была. Зашью как надо.

— Тогда всё.

Вера встала. Колени промокли, пальцы в крови и слизи. Чемоданчик был открыт, бинты валялись на траве — она не заметила, когда выпали.

Она закрыла чемоданчик, защёлкнула замки и медленно

пошла к карете. Ноги не слушались — она спотыкалась на каждом шагу.

Клюв уже сидел на крыше.

— Неплохо, — сказал он, когда Вера забралась внутрь.

— Заткнись, — ответила она, падая на сиденье.

— Я хотел сказать — молодец.

— Я сказала — заткнись.

Вера закрыла глаза. Внутри всё дрожало — не от холода, от напряжения. Она слышала, как бьётся сердце где-то в горле, как стучат зубы — она не могла их остановить.

— Вымой руки, — сказал Клюв. — А то перепачкаешь всё.

Вера открыла глаза. Посмотрела на свои пальцы — в крови, в какой-то слизи, в зелёных разводах.

— Чем?

— В бутылке вода.

Она нашла бутылку — глиняную, с пробкой. Вылила себе на руки. Вода была холодной, почти ледяной. Вера терла пальцы одну о другую, пока кровь не смылась.

— Где я? — спросила она.

— В Княжестве Трёх Рек, — терпеливо ответил Клюв. — В провинции.

— И как мне вернуться?

— Никак. Попаданцы не возвращаются. Это не командировка. Это переселение.

— А если я откажусь работать?

— Заменят, — спокойно ответил ворон. — Быстро. Магия не терпит пустоты.

— И я умру?

— Тебя просто не станет. Как будто и не было.

Вера помолчала. Сжала руки в кулаки — они всё ещё дрожали, но уже не так сильно.

— И сколько таких, как я, уже было?

— До тебя — четверо, — сказал Клюв. — Первый умер на первом вызове. Второй сбежал в лес и не вернулся. Третий проработал две недели, потом его разорвал василиск. Четвёртый… — Ворон замялся. — Четвёртый не выдержал. Сам ушёл.

— И ты поэтому решил, что я нужна?

— Ты первая, кто не умер на первом вызове, — ответил Клюв. — Это либо талант, либо проклятие. Узнаем позже.

— Ты оптимист.

— Я ворон. Мы видим трупы раньше, чем их находят люди.

Вера вытерла руки о штаны. Посмотрела в затянутое плёнкой окно.

— Куда теперь? — спросила она.

— На базу. Представят тебя диспетчеру. — Клюв спрыгнул с крыши на дверцу. — Он призрак. Не пугайся.

— Я уже видела скелетов и говорящего ворона. Призрак меня не испугает.

— Это ты так думаешь. Он плаксивый.

Карета тронулась. Скелеты зацокали копытами.

Вера сидела, прижимая к груди чемоданчик, и смотрела в мутное окно. Там, за плёнкой, проплывал чужой мир — серый, влажный, пахнущий магией и болотом.

Она не знала, сколько это продлится. Не знала, вернётся ли когда-нибудь домой. Не знала даже, сколько ей осталось.

Но одно она знала точно.

Русалка дышала.

И это было важнее всего.

Клюв посмотрел на Веру долгим взглядом — тёмные глаза блестели в полумраке кареты.

— Ты справилась, — сказал он. — Это уже кое-что.

— Я всегда справляюсь, — ответила Вера.

— До тебя — четверо. — Ворон наклонил голову. — Все справлялись. До первого вызова.

Карета повернула на тракт, скелеты ускорились.

— Ты первая, кто не умер на первом вызове, — добавил Клюв. — Это либо талант, либо проклятие. Узнаем завтра. Если доживёшь.

Глава 2. Неправильный мир

Карета с скелетами лошадей остановилась.

Вера выглянула в щель между занавесками. Солнце — если это вообще было солнце, а не просто светлое пятно за облаками — стояло низко, и улица тонула в серых сумерках.

Она вышла.

Здание перед ней когда-то было конюшней. Когда-то — очень давно, когда эти стены помнили запах лошадей, а не только сырость и запустение.

Снаружи оно выглядело мрачно и внушительно, как старый солдат, который уже не может держать спину прямо. Стены — из грубого серого камня, кое-где поросшего мхом. Мох лез из щелей, сползал на землю, облеплял фундамент. Крыша — двускатная, с потрескавшейся черепицей кофейного цвета. На одном скате зияла дыра — там не хватало с десятка черепиц, и из дыры торчала сухая ветка, принесённая ветром.

Ворота были деревянными, массивными, когда-то выкрашенными в зелёный. Краска облупилась, обнажив тёмное, рассохшееся дерево. Петли проржавели насквозь — казалось, если дотронуться до них, они рассыплются в пыль. Левая створка висела криво, подвязанная толстой верёвкой, выцветшей от времени.

Над воротами — вывеска. Та самая, которую Вера не мог-

ла прочитать в карете. Буквы светились бледно-голубым, плавно перетекая одна в другую. Они не складывались в слова — они жили своей жизнью, извиваясь, как черви, сражаясь за место на доске.

— Не смотри на неё долго, — сказал Клюв, сидя на столбе у входа. — Голова заболит.

— Что там написано?

— «Скорая помощь для нелюдей». И мелким шрифтом: «Вход с торца».

Вера обошла здание.

С торца — действительно дверь. Маленькая, низкая, рассчитанная на человека, а не на лошадь. Дверь была обита железными полосами, к которым кто-то прикрутил ржавую щеколду вместо ручки.

Внутри конюшня оказалась больше, чем казалась снаружи. Пространство было вытянутым, с рядами каменных столбов, поддерживающих потолок. Высота — метра три, не больше, но из-за темноты казалось, что потолок уходит куда-то вверх. В воздухе висели пылинки, которые кружились в косых лучах света, проходящего сквозь зарешёченные окна.

Когда-то здесь стояли стойла. Вдоль стен торчали железные крепления — ржавые, погнутые, с обломанными кольцами. Теперь на этих креплениях висели связки сушёных трав, пучки корней, какие-то тряпки и мешочки. Трава пахла мятой и чем-то сладким, приторным — как старые духи.

Сами стойла превратились в стеллажи. Грубо сколоченные полки, кривые, заваленные склянками, банками, свёртками, инструментами. Вера насчитала три таких стеллажа — и ещё один, четвёртый, стоящий в углу отдельно, весь заставленный книгами. Книги были старыми, в кожаных переплётах с потускневшей тиснёной. Некоторые лежали стопками прямо на полу.

В одном из стеллажей Вера заметила человеческий череп. Присмотрелась — нет, просто кокос. Очень реалистичный.

Пол был земляным, утоптанным до твёрдости камня. На полу лежали домотканые дорожки — выцветшие, в пятнах, но на удивление чистые.

В центре помещения стоял дубовый стол — единственный предмет в этой конюшне, который выглядел ухоженным. Тяжёлый, массивный, с резными ножками. Столешница была исцарапана — кто-то чертил на ней схемы, писал буквы, вырезал руны. На столе — светящаяся карта, несколько листов пергамента, пузырёк с чернилами и птичье перо, которое писало само собой, выводя какие-то закорючки.

В дальнем углу горел очаг. Сложенный из крупного камня, с широкой трубой, уходящей в потолок. Над очагом висел чугунный котёл — пустой, но когда-то в нём явно что-то варили, потому что бока были покрыты копотью и чёрными подтёками.

Рядом с очагом, в грубо сколоченном кресле, сидел толстяк и плакал.

Тихо. Беззвучно. Просто пуская слёзы по круглым щекам, которые капали на жилет, расшитый серебряными нитками.

— Бартоломью, — представил Клюв. — Диспетчер.

Толстяк повернулся.

Вера ожидала увидеть призрака — классического: полупрозрачного, светящегося, с цепями и белыми глазами. Ничего такого. Перед ней сидел плотный мужчина лет пятидесяти, румяный, с живыми — слишком живыми для мертвеца — глазами навыкате. Короткие пальцы сжимали носовой платок, измятый в мокрый комок. Камзол синий, на пуговицах — крошечные рубины, настоящие или стекло — не разобрать. Платок белый, батистовый, с вышитой монограммой «Б.М.»

— Ты живой? — спросила Вера.

— Нет, — ответил Бартоломью и всхлипнул. — Призрак. Просто хорошо сохранился. Магия.

— А… — Вера хотела спросить про слёзы, но передумала.

Бартоломью вытер нос платком, и слёзы на его щеках мгновенно высохли. Как будто их и не было.

— Давно ждём, — сказал он. — А говорили, ты уже едешь. С русалкой справилась? Клюв докладывал, но ему не всегда можно верить.

— Справилась, — ответила Вера. — Жива.

— Ну и хорошо. — Бартоломью кивнул на стул. — Садись, фельдшер. Разговор есть.

Вера села. Табурет жалобно скрипнул, но выдержал.

— Ты теперь здешняя, — сказал Бартоломью. — Квартиры нет, но можешь спать здесь. В третьем стойле койка стоит. Не новая, но чистая.

— Стойло? — переспросила Вера.

— Ну да. Там раньше лошадь жила. Теперь будешь ты.

— Спасибо, — сказала Вера без энтузиазма.

Она хотела спросить про нормальное жильё, но не успела. Снаружи раздался шум. Крики. Лай собак. И тяжёлые шаги — несколько пар, уверенные, хозяйские.

— Сиди тихо, — сказал Клюв и взлетел под потолок.

Бартоломью выпрямился в кресле. Слёзы мгновенно высохли.

Дверь распахнулась.

На пороге стояли трое. Мужчины — крупные, бородатые, в кожаных жилетах поверх кольчуг. У одного на поясе висел меч — длинный, прямой, с рукоятью из слоновой кости. У другого — дубина с железными шипами. Третий — без оружия, но с таким лицом, что оружие и не нужно.

— Это новая? — спросил передний, тот, с мечом.

— Она, — ответил кто-то из толпы снаружи.

— В чём дело? — спросила Вера, вставая.

— В том, что ты лечишь нелюдей, — сказал передний. — А это наша земля. Наши налоги. Наши деньги.

— Я лечу бесплатно.

— Вот именно. Бесплатно. — Мужчина шагнул внутрь. — А мы за «бесплатно» детей кормить не можем.

Вера стояла на месте. Чемоданчик она не выпускала из рук.

— Кто вы?

— Гильдия магов. — Мужчина усмехнулся. — А точнее — её карман. Те, кто собирает плату за защиту. С каждого нелюдя — по серебряному в месяц. За их безопасность. За наши заботы.

— А вы их защищаете?

— Вопрос не в этом.

— Вопрос в этом, — сказала Вера. — Русалка чуть не умерла. Где были вы?

— Не наша забота.

— Тогда зачем вы с них берёте?

Мужчина не ответил. Он обошёл Веру, посмотрел на стол, на карту, на стеллажи с банками.

— Если ты ещё раз сунешься к нашим клиентам, — сказал он, — мы придём не одни. Приведём магическую стражу. Сожжём тут всё. Вместе с тобой.

Он усмехнулся, развернулся и вышел. Двое других — за ним. Дверь хлопнула.

Внутри конюшни повисла тишина. Бартоломью заплакал — громко, в голос.

— Вот видишь, — сказал Клюв, спрыгивая с балки. — Ты здесь ещё никого не вылечила, а врагов уже нажила.

— Это были маги? — спросила Вера.

— Представители гильдии. Сборщики налогов. — Клюв

прошёлся по столу, сбросив лапой пузырёк с чернилами. — Они не маги, они бандиты. Но у них есть магические амулеты. Так что хуже, чем настоящие маги.

Вера сжала чемоданчик.

— Что им нужно?

— Чтобы ты не лечила нелюдей бесплатно. Чтобы нелюди боялись и платили. Это их бизнес. И ты этот бизнес ломаешь.

Вера открыла чемоданчик. Адреналин — одна ампула. Супрастина нет. Но-шпа — три ампулы. Антибиотики — пять таблеток.

— Надолго хватит? — спросил Бартоломью.

— Дня на три, — ответила Вера. — Если повезёт.

Она перебирала содержимое, выкладывая на стол. Шприцы. Бинты. Скальпель. Жгут. Фонендоскоп. Всё это выглядело чужим в этом мире — пластик, резина, стерильная упаковка. Как пришелец из другой вселенной.

— В этом мире есть лекарства? — спросила Вера, не поднимая головы. — Местные, ваши? Травы, настойки, что-то, что убивает инфекцию?

— Есть зелья, — ответил Бартоломью. — В основном магические. А без магии мало кто умеет.

— А кто умеет?

— Один алхимик. Живёт в подвале на Южной улице. Тео его зовут.

Вера подняла голову.

— Алхимик? В подвале?

— Он не маг, — сказал Клюв. — Магии в нём — ноль. Совсем. Поэтому его и не любят. Он всё пытается лечить без магии — травами, кореньями, бродильными зельями. Большинство не работает. Но иногда что-то получается.

— Он мог бы сделать аналоги моих лекарств?

— Если ты покажешь ему свои, — сказал Бартоломью. — Он умный. Может, повторит.

— А деньги?

— Не берёт. — Клюв склонил голову. — Он вообще странный. Ему не деньги нужны, ему интересно. Новые рецепты, новые вещества. Если ты придёшь с чем-то, чего он никогда не видел — он будет работать бесплатно. И счастлив.

Вера закрыла чемоданчик.

— Южная улица, подвал. Тео, — повторила она. — Запомню.

— Ты к нему сейчас пойдёшь? — спросил Бартоломью.

— Некогда. Сначала вызов. — Вера кивнула на стол, где лежала шевелящаяся бумага. — Оборотень. Подавился костью. Потом — к алхимику.

— А если тебя убьют на вызове? — спросил Клюв.

Вера посмотрела на него.

— Тогда алхимик не понадобится.

Она взяла лист. Бумага нагрелась в руке, перестала дёргаться, и на ней проступили слова: «Оборотень. 17 лет. Подавился костью. Таверна "Кривой пень". Время вызова: сей-

час».

— Я пойду, — сказала Вера.

Она направилась к выходу.

— Вера, — окликнул Бартоломью.

Она обернулась.

Призрак смотрел на неё серьёзно. Слёзы на его щеках высохли — впервые с тех пор, как она вошла.

— Те трое, которые приходили. Они не шутили. Если ты действительно будешь лечить нелюдей бесплатно — они тебя убьют. Не сегодня, так завтра. Рано или поздно.

— Я знаю, — сказала Вера.

— И тебя это не останавливает?

Вера посмотрела на чемоданчик. На потрёпанные бинты, торчащие из кармана. На свою руку — всё ещё с царапиной от клюва Клюва.

— Я фельдшер, — ответила она. — Моя работа — спасать. Не считать деньги. И не бояться.

Она вышла на улицу.

Клюв сидел на крыше кареты.

— Ну как? — спросил он.

— Поехали. Пока оборотень не задохнулся.

— А те трое?

— Что они? — Вера забралась внутрь. — Пусть приходят.

— Ты смелая.

— Нет. Я просто устала бояться.

Карета тронулась.

Скелеты зацокали копытами.

Вера сидела на жёстком сиденье, и её трясло. Не от страха — от злости.

— Алхимик Тео, — сказала она вслух.

— Что? — спросил Клюв из-за дверцы.

— Запомнить надо. Южная улица, подвал.

— Ты к нему поедешь?

— Когда разберусь с оборотнем. И с гильдией. И с остальным.

Вера помолчала.

— Как думаешь, он сможет повторить супрастин? — спросила она.

— Кто?

— Тео.

— Не знаю, — ответил Клюв. — Он год пытался повторить чужое зелье от кашля. Взорвал три колбы, два котла и соседский сарай.

— И что, повторил?

— Нет, — честно сказал ворон. — Но сарай получился красивый.

Вера закрыла глаза.

— Ты не оптимист.

— Я ворон, — ответил Клюв. — Мы видим трупы раньше, чем их находят люди. Оптимизм — это для самоубийц.

Карета свернула за угол.

Впереди был новый вызов.

Из конюшни донесся всхлип — Бартоломью снова плакал. В этот раз — почему-то громче обычного.

— Что с ним? — спросила Вера.

— Боится, — ответил Клюв. — Он всегда так, когда появляется надежда. Плачет от страха, что она не оправдается.

— Надежда на что?

— Что ты не умрёшь. Что ты не сбежишь. Что мы не зря ждали.

Карета повернула на тракт.

— А ты? — спросил Клюв.

— Что я?

— Ты боишься?

Вера помолчала. Потом ответила:

— Я фельдшер. Я боюсь только одного — не успеть.

Вера закрыла глаза и попыталась вспомнить всё, что знала об извлечении инородных тел из дыхательных путей.

Пасть с клыками. Вес под центнер. Агрессия от боли.

— Ты справишься, — сказал Клюв из-за дверцы.

— Откуда ты знаешь?

— У меня чутьё. Воронье.

— Воронье чутьё — это когда вы дохлятину за версту чуете.

— Вот именно. Ты не пахнешь дохлятиной. Значит, жить будешь.

Вера усмехнулась — первый раз за этот бесконечный день.

Карета выехала на главную улицу, скелеты зацокали быстрее, и конюшня с плачущим призраком осталась позади.

Глава 3. Оборотень и куриная кость

Карета остановилась так резко, что Вера чуть не слетела с сиденья.

— Приехали, — каркнул Клюв снаружи. — Таверна «Кривой пень». Твой пациент внутри.

Вера выбралась наружу, поправила лямку чемоданчика.

Таверна оказалась низким бревенчатым зданием с покосившейся вывеской, на которой кто-то когда-то изобразил сосну в виде вопросительного знака. Дверь была массивной, дубовой, с железной ручкой в виде волчьей головы. Из-за двери доносился шум — не музыка и не разговоры. Хрип. Кашель. И отчаянный, срывающийся на визг голос:

— Не умирай! Слышишь? Не смей!

Вера толкнула дверь и шагнула внутрь.

Таверна внутри оказалась больше, чем казалась снаружи. Низкие потолки с коптящими масляными лампами, запах жареного мяса, старого эля и страха. Пол был усыпан опилками — видимо, для крови. Вера сделала мысленную пометку: местные травматологи готовятся к худшему заранее.

В центре зала, за грубо сколоченным столом, на лавке сидел парень.

Сначала Вера подумала, что он просто крупный. Потом

поняла: крупный — это не то слово. Он был массивным. Плечи — как у шкафа. Руки — как бревна. Из-под рубахи, натянутой на груди, виднелась тёмная поросль — не щетина, а шерсть. Короткая, жёсткая, звериная.

Его лицо было синим.

Не бледным, не серым — синим. Тот оттенок, который у человека появляется за пару минут до остановки сердца.

Парень сидел, вцепившись пальцами в край стола, и хрипел. Каждый вдох давался ему с таким трудом, будто он пытался втянуть воздух через трубочку для коктейля.

Рядом с ним суетился другой парень — поменьше, без шерсти на руках, с таким же испуганным лицом, но без синевы.

— Ты кто? — спросил он, увидев Веру.

— Фельдшер, — ответила Вера, опускаясь на колени перед синим парнем. — Давно не дышит?

— Минуты три. Может, четыре. Он подавился, я пытался… руками… но он большой, я не мог…

— Чем подавился?

— Кость. Куриная. На спор.

Вера мысленно выругалась. Куриные кости — худший вариант. Тонкие, острые, могут перфорировать трахею при любом неловком движении.

— Как его зовут?

— Гром.

— А тебя?

— Вихрь. Я его брат.

Вера посмотрела на синего Грома. Пульс на шее — есть, слабый, аритмичный. Зрачки — расширены, но реагируют. Сознание — угнетённое, но не потерянное. Парень смотрел на неё мутными глазами, пытаясь что-то сказать, но издавал только булькающие звуки.

— Не говори ничего, — сказала Вера. — Кость застряла в горле. Я попробую её выдавить. Будет больно.

Гром кивнул — едва заметно, но кивнул.

Вера встала позади него. Ей пришлось встать на лавку, чтобы дотянуться — парень в сидячем положении был выше неё ростом. Она обхватила его руками спереди, сцепила замок чуть ниже грудины.

Приём Геймлиха на человеке она делала сотни раз. На учебных манекенах, на тренажёрах, на реальных пациентах — в кафе, на улице, в машине скорой. Но те пациенты были людьми. С нормальными рёбрами, нормальными размерами, нормальной анатомией.

У Грома рёбра были толще. И под рёбрами — не мышцы, а стальные канаты.

— Держи его, — бросила Вера брату. — Чтобы не упал.

Вихрь вцепился в плечи Грома.

Вера рванула.

Резко, сильно, всем весом.

Парень не сдвинулся. Ничего не произошло. Только хрип стал отчаяннее.

— Ещё раз, — сказала Вера себе.

Она разжала руки, сцепила их выше — почти под самую грудину. И рванула снова, вкладываясь всем корпусом, как учили на курсах: «Не бойтесь сломать рёбра. Живой без рёбер лучше мёртвого с целыми».

Хруст.

Не кости — рёбер.

Гром дёрнулся, кашлянул — и из его пасти вылетела куриная кость. Маленькая, острая, обломанная с одного конца. Она пролетела через всю таверну и вонзилась в деревянную стену, пробив её на полпальца.

В зале повисла тишина.

Гром дышал.

Сначала хрипло, с присвистом, с кашлем. Потом — глубже, громче, ровнее. Синева начала спадать с его лица — медленно, от губ к скулам, от скул к глазам.

— Кашель, — сказала Вера, спрыгивая с лавки. — Пусть кашляет. Остатки кости могут быть в бронхах.

Вихрь смотрел на неё как на божество.

— Ты… ты его спасла.

— Я сделала свою работу.

Гром закашлялся, сплюнул на пол комок мокроты с прожилками крови. Нормально — после такой травмы слизистой. Потом поднял голову и посмотрел на Веру.

— Глаза у него были человеческими, — заметила Вера мысленно. — Хотя всё остальное — уже нет.

— Спасибо, — прохрипел Гром. Голос звучал как скрежет камней. — Я думал… всё.

— Я тоже, — признался Вихрь.

Вера уже открыла чемоданчик, чтобы проверить зрачки и послушать лёгкие (фонендоскоп, слава богу, работал), когда позади раздался новый голос:

— Что здесь произошло?

Обернулась.

В дверях стоял мужчина. Высокий, седой, с жёсткими чертами лица и такими же жёсткими, жёлто-карими глазами. Он был одет в простую кожаную куртку, но держался так, будто на нём был мундир генерала.

— Отец, — сказал Вихрь. — Гром подавился. А она… — Он кивнул на Веру. — Она его спасла.

Отец перевёл взгляд на Веру.

Она чувствовала этот взгляд — сканирующий, оценивающий, опасный. Как рентген. Как у хирурга перед операцией.

— Ты фельдшер? — спросил он.

— Да.

— Из каких?

— Из человеческих, — ответила Вера, убирая фонендоскоп. — Ваш сын подавился куриной костью на спор. Я провела приём Геймлиха. Рёбра треснули, но дыхательные пути свободны. Дня три будет кашлять с кровью. Если начнёт задыхаться — вызывайте снова.

Отец молчал несколько секунд. Потом медленно кивнул.

— Ты лечишь тех, кого магия не берёт, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Я лечу всех, — ответила Вера. — Кого берут лекарства, а кого — руки. Магия тут ни при чём.

— Это опасно.

— Я знаю.

— Очень опасно.

Отец шагнул к ней. Теперь он стоял в двух шагах — высокий, мощный, пахнущий лесом и стаей. Вера не отступила. Она стояла на месте, сжимая ручку чемоданчика.

— Меня зовут Бор, — сказал он. — Я глава рода.

— Вера.

— Я запомню твоё имя, Вера. И мой род запомнит. — Он положил руку на плечо Грома, который уже пытался встать с лавки. — Ты спасла моего сына. Мы платим долги.

— Я не ради платы, — сказала Вера.

— Тем хуже.

Бор повернулся и вышел из таверны. Гром и Вихрь поплелись следом, но перед уходом младший брат обернулся:

— Приходи в гости! Мама испечёт пирог!

Вера осталась одна посреди таверны. С чемоданчиком в руке. С хрустом чужих рёбер в ушах. С запахом эля и страха в ноздрях.

Клюв сидел на подоконнике — когда он туда залетел, Вера не заметила.

— Ты слышал? — спросила она.

— Всё.

— Что ты думаешь?

Ворон помолчал, чистя клюв о лапу. Потом сказал:

— Глава рода сказал, что ты опасна. Он не угрожал. Он предупреждал. — Клюв склонил голову. — Те, кто лечат тех, кого магия не берёт, долго не живут. Уж слишком много кому переходят дорогу.

— Я слышала это уже сегодня.

— Ты услышишь это ещё много раз. Вопрос в том, когда перестанешь слушать.

Вера закрыла чемоданчик.

— Поехали, — сказала она. — Там, наверное, уже новый вызов.

— Всегда новый, — каркнул Клюв, взлетая.

Вера вышла из таверны. Скелеты лошадей ждали — оранжевые огоньки в глазницах, терпеливые костяные ноги. Карета стояла чуть в стороне, под старой берёзой, и смотрелась в этом пейзаже так же странно, как сама Вера.

Она забралась внутрь, села на сиденье, положила чемоданчик на колени.

Карета тронулась.

Стук копыт. Скрип колёс. Голос Клюва снаружи:

— Не думай о рёбрах. Треснувшие рёбра заживают. А мёртвые — нет.

— Я знаю.

— Тогда молодец.

Вера закрыла глаза и попыталась не думать о том, как хрустнули кости под её руками. Не думать — не получилось.

Глава 4. Роды у горгульи

Карета остановилась.

Вера не успела продохнуть после оборотня. Даже чемоданчик не закрыла — так и сидела с ним на коленях, переваривая хруст чужих рёбер и предупреждение седого главы рода.

— Новый вызов, — каркнул Клюв снаружи. — Срочный.

— Дай угадаю, — сказала Вера, выбираясь наружу. — Василиск с аппендицитом?

— Горгулья. Роды. Трое суток не может разродиться.

Вера остановилась.

— Трое суток?

— Трое. Местные повитухи уже молятся всем богам. Маги не помогают — каменная плоть блокирует заклинания. — Клюв спрыгнул с крыши, прошёлся по земле. — Короче, ты последняя надежда.

— Я фельдшер, а не акушер.

— А здесь фельдшер — это и акушер, и хирург, и психиатр. — Ворон склонил голову. — Привыкай.

Вера выдохнула. Посмотрела на чемоданчик. Вспомнила, что там осталось: один адреналин, пол-ампулы супрастина, но-шпа, бинты, скальпель. И медицинский вакуум — тот самый, перемотанный синей изолентой.

— Адрес? — спросила она.

— Северная скала. Это за городом, в получасе езды. — Клюв взлетел на крышу. — Садись, фельдшер. Роженица не ждёт.

Карета тряслась по ухабам, а Вера сидела и прокручивала в голове всё, что знала о родах у горгулий.

Ничего.

Она не знала ничего. В её мире горгулий не существовало. В учебниках по акушерству не было главы «Каменные дети: осложнения и тактика». В симуляционных центрах не было тренажёров с гранитной промежностью.

Она ехала в никуда, надеясь на чудо.

— Ты боишься? — спросил Клюв из-за дверцы.

— Нет, — ответила Вера. — Я просчитываю риски.

— Ты боишься.

Вера промолчала.

Северная скала оказалась именно тем, чем обещала быть — скалой. Серой, массивной, с отвесными стенами и плоской вершиной. У подножия — несколько деревянных построек, вросших в камень. Одна из них была домом — низким, широким, с узкими окнами-бойницами.

Возле дома толпились люди.

Вера насчитала с десяток — женщины в тёмных платках, мужчины с мрачными лицами, дети, которые не понимали, что происходит, но чувствовали общее напряжение. Все они расступились, когда Вера подошла к двери.

Внутри пахло кровью, камнем и отчаянием.

В полумраке Вера разглядела кровать — массивную, дубовую, на которой лежала женщина. Горгулья. Впервые Вера видела горгулью так близко.

Кремнева была крупной. Не толстой — массивной. Широкие плечи, мощные руки, серая, с синеватым отливом кожа, которая казалась гладкой на вид, но на ощупь должна была быть твёрдой, как камень. На лбу — два небольших выступа, зачатки рогов. Крылья — сложенные вдоль спины, кожистые, с перепонками, сейчас бледные и обвисшие.

Но главное — живот.

Огромный, твёрдый, напряжённый. Кремнева лежала на спине, вцепившись пальцами в деревянные перила кровати, и дышала — тяжело, хрипло, через раз. Лицо её было мокрым от слёз.

Каменных слёз. Они стекали по щекам медленно, густыми каплями, и застывали на подушке серыми шариками, похожими на дробь.

— Кто ты? — спросила Кремнева, не открывая глаз.

— Фельдшер. Вера.

— Ты пришла помочь?

— Да.

— Маги не смогли. Сказали, каменная плоть блокирует заклинания. — Кремнева открыла глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками, как у кошки или ящерицы. — Чем ты поможешь?

— Руками, — ответила Вера. — И головой.

Она поставила чемоданчик на табурет, расстегнула замки.

— Сколько дней ты пытаешься разродиться?

— Трое.

— Схватки?

— Были. Теперь нет. Дети затихли.

Вера подошла к кровати, опустилась на колени. Пол зала в мелких каменных крошках — видимо, от содранной кожи. Коснулась живота Кремневой.

Камень под пальцами был тёплым. Живым. Гладким, но податливым — не так, как у человека, но и не как у настоящей скалы.

Вера нащупала положение детей. Двое — головкой вниз, правильно. Третий — поперёк, ножками к выходу.

— Трое, — сказала она. — Один лежит неправильно.

— Я знаю, — прошептала Кремнева. — Повитухи говорили. Они ничего не могут сделать. Руки у них слабые.

Вера подняла голову, огляделась.

Повитухи стояли в углу — две женщины в тёмных платьях, с испуганными лицами. Одна теребила край фартука, вторая шептала молитву.

— Выйдите все, — сказала Вера. — Останусь я и Кремнева.

— Но мы должны…

— Выйдите, — повторила Вера. Голос не терпел возражений.

Повитухи вышли. Дверь закрылась.

— Что ты будешь делать? — спросила Кремнева.

— Сначала попробую повернуть третьего. Если не получится — буду доставать вакуумом.

— Что такое вакуум?

— Присоска. — Вера достала из чемоданчика инструмент. Перемотанный синей изолентой, поцарапанный, видавший виды. — Пылесос для детей.

Кремнева посмотрела на вакуум, потом на Веру.

— Ты странная.

— Я фельдшер. Привыкай.

Вера намыла руки — в тазу стояла тёплая вода, видимо, для повитух. Мыла не было, но была зола. Вера отмылась золой, как учили в полевых условиях. Потом достала скальпель — стерильный, в упаковке — и разрезала каменную оболочку вокруг родовых путей.

Камневидная кожа поддавалась хуже, чем человеческая. Пришлось резать в два слоя, почти не дыша. Кровь — тёмная, густая, как застывшая смола — выступила на разрезе, но быстро остановилась. Анатомия горгулий была экономной.

— Будет больно, — сказала Вера.

— Мне уже больно, — ответила Кремнева. — Делай.

Вера ввела руку внутрь. Тесно, очень тесно. Каменные стенки давили на кисть, мешая двигаться. Она нащупала третьего ребёнка — он лежал поперёк, уткнувшись головой в бок матери.

— Мне нужно его повернуть, — сказала Вера. — Это бу-

дет неприятно.

— Я выдержу.

Вера взялась за ребёнка — скользкого, твёрдого, с острыми краями. Крошечные крылья, сложенные вдоль тела. И головка — с двумя бугорками, будущими рожками, как у матери.

Она начала поворачивать. Медленно, плавно, миллиметр за миллиметром. Ребёнок сопротивлялся — казалось, он не хотел выходить. Или не мог.

Кремнева закричала. Не громко — приглушённо, сквозь зубы. Её пальцы впились в перила, оставляя глубокие борозды в дереве.

— Терпи, — сказала Вера.

— Я терплю.

Третий ребёнок поддался. Вера развернула его головкой к выходу — и почувствовала, как схватка накрыла матку.

— Тужиться, — сказала Вера. — Сильно.

Кремнева закричала — на этот раз громко, как человек. И из неё вышла вода. Тёмная, с примесью крови и мелких каменных осколков.

Вера подхватила ребёнка.

Маленькая горгулья. С голубыми глазами и крошечными рожками на лбу. Мокрая, тёплая, живая.

— Первый, — сказала Вера, отдавая малышку матери.

Кремнева взяла дочь дрожащими руками, прижала к груди. И заплакала — каменными слезами, которые капали на

голову новорождённой и застывали в волосах серыми горошинами.

— Ещё, — сказала Вера. — Не расслабляться.

Второй пошёл легче. Правильное положение, сильные схватки, почти без крови. Через десять минут Вера держала мальчика — крупного, тяжёлого, с острыми когтями на руках.

— Почти, — сказала она. — Последний.

Третий застрял. Вера видела головку, но плечики не проходили — каменные стенки сузились, не пускали.

— Вакуум, — сказала Вера.

Она достала инструмент, проверила целостность изоленты. Приложила к головке ребёнка, создала разрежение.

И потянула.

Медленно. Без рывков. Только что не вырвать голову. Только что не повредить шейку.

Ребёнок пошёл. Плечико — второе — и всё тело.

Вера подхватила третьего — девочку, самую маленькую, самую слабую. Девочка не дышала.

— Не смей, — сказала Вера, переворачивая малышку и похлопывая по спинке.

Тишина.

Второй хлопок. Третий.

Девочка кашлянула — тонко, жалобно — и закричала.

Вера выдохнула. Выпрямилась. Колени тряслись, руки в крови и слизи. Рядом стоял чемоданчик с вывалившимися

бинтами — она не заметила, когда они выпали.

— Трое, — сказала Вера. — Две девочки, один мальчик. Здоровы.

Кремнева смотрела на детей, прижатых к груди, и плакала. Каменные слёзы стекали по её щекам, застывали на подушке, но она не вытирала их — боялась отпустить детей.

— Ты спасла их, — сказала она тихо, хрипло. — И меня.

— Я сделала свою работу.

— Ты сделала больше.

Вера собирала инструменты, складывала обратно в чемоданчик. Третий вакуум был испорчен — изолента отклеилась, присоска треснула. Придётся чинить.

— Ещё нужно обработать швы, — сказала Вера. — Ты резаная. Кровотечения нет, но раны могут воспалиться.

— Повитухи справятся.

— Пусть тогда зайдут.

Вера позвала. Повитухи вбежали с криками ужаса и восторга, увидев детей. Они засуетились вокруг Кремневой, начали что-то причитать, мыть, зашивать.

Вера отошла к стене, прислонилась спиной к холодному камню. В каменной кладке была выемка — почти ниша. Она сползла по стене вниз, села на пол, вытянув ноги. Пол был холодным, но сейчас это казалось приятным — хоть что-то, кроме усталости.

— Ты как? — спросил Клюв. Он сидел на подоконнике — Вера снова не заметила, когда он залетел.

— Устала.

— Я вижу.

— Трое детей. Трое суток. Один вакуум на изоленте.

— Ты справилась.

— Я почти убила третьего.

— Но не убила.

Вера закрыла глаза.

— Вера, — позвал Клюв.

Она открыла глаза.

Кремнева лежала на кровати, окружённая повитухами. Дети — трое свёртков, завёрнутых в мягкие серые тряпицы — лежали рядом с ней, уткнувшись в каменную грудь. Кремнева смотрела на Веру. Жёлтые глаза, вертикальные зрачки. В них не было благодарности — в них было что-то большее.

— Подойди ко мне, — сказала Кремнева. Голос был слабым, но в нём чувствовалась сила, которая не может исчезнуть за три дня родов.

Вера поднялась. Ноги затекли, пришлось опереться о стену. Она подошла к кровати.

Кремнева протянула руку — тяжёлую, каменную ладонь вверх.

Вера вложила свою руку.

— Я твой должник навек, — сказала Кремнева. — Если надо кого раздавить — я тут. Даже если это будет сам архимаг.

— Тебе нельзя давить, — ответила Вера. — У тебя швы.

Кремнева хрипло рассмеялась — первый раз за три дня, наверное.

— Ты странная, фельдшер.

— Я врач скорой помощи. Привыкай.

Вера убрала руку. Посмотрела на детей — маленькие каменные комочки с крошечными крыльями. Один из них, третий, тот самый, пошевелил пальцами — тонкими, острыми, как иглы.

— Как их зовут? — спросила Вера.

— Первая — Гранит. Вторая — Скала. Третий — Кремень.

— Хорошие имена.

— Каменные, — ответила Кремнева и улыбнулась — впервые за три дня. Зубы у неё были острые, как у хищницы, но улыбка вышла тёплой.

Она помолчала, глядя на детей, потом подняла глаза на Веру.

— Ты говорила, лекарства кончаются?

— Да. И местные аналоги я не знаю. Аптекари дерут золотом, которого у меня нет.

— Есть один алхимик, — сказала Кремнева. — Живёт в подвале на Южной улице. Странный, люди его боятся, но зелья он варит хорошие. Без магии. — Она поморщилась — швы дали о себе знать. — Скажи ему, что ты от меня. Может, не прогонит.

— Его зовут Тео?

— Тео. — Кремнева произнесла это имя так, будто речь шла о погоде — ни тепла, ни холода. — Тео изгоем прослыл. Говорят, магии в нём нет, одна учёность. Для этого мира — хуже проклятия.

— Для моего — норма, — ответила Вера. — Спасибо.

Она взяла чемоданчик.

— Мне нужно идти.

— Помни, — сказала Кремнева. — Я помогу. Всегда.

Вера кивнула.

Она вышла на улицу, под серое небо, к карете со скелетами лошадей. Клюв уже сидел на крыше, чистил перья.

— Куда теперь? — спросила Вера.

— К алхимику, — каркнул ворон. — Кремнева дала адрес. Южная улица, подвал. Сказала, он очень странный.

— Она сказала «странный»? — Вера забралась в карету.

— «Странный, люди его боятся». — Клюв спрыгнул с крыши на дверцу. — Но зелья варит хорошие и без магии. Прямо как ты.

— Я не варю зелья. Я колю уколы.

— Для них это одно и то же.

Карета тронулась. Скелеты лошадей зацокали копытами по булыжной мостовой.

Вера сидела на жёстком сиденье, прижимая к груди чемоданчик. «Тео», — подумала она. — «Посмотрим, какой ты».

Глава 5. Алхимик Тео

Карета остановилась у покосившегося забора. Дальше дорога становилась такой узкой, что даже скелеты лошадей не пролезли бы.

Южная улица оказалась кривым проулком между глухими стенами складов и заброшенных мастерских. Булыжник здесь был выщербленным, в лужах плавала какая-то химическая радуга. Пахло гарью, кислым и ещё чем-то сладковато-гнилостным.

— Приехали, — сказал Клюв с крыши кареты. — Дом семь, подвал. Местные называют это «Нора чудака». Не удивляйся, если увидишь что-то странное.

— Ты идёшь со мной? — спросила Вера, выбираясь наружу.

— Я лучше здесь посижу. Не люблю алхимиков. От них всегда пахнет чем-то сомнительным.

— Ты ворон. Ты питаешься падалью.

— Вот именно. Я знаю толк в сомнительных запахах.

Вера вздохнула и начала спускаться по каменным ступеням. Ступеньки скользили, перил не было. У самого входа она чуть не упала — нога соскользнула с мокрого камня, и только чемоданчик, который она инстинктивно прижала к груди, помог сохранить равновесие.

Дверь была низкой, деревянной, обитой железными поло-

сами. На двери висела табличка, вырезанная из коры: «Тео. Алхимия. Магии нет. Качество не гарантирую».

Вера постучала.

Никто не ответил.

Она постучала сильнее — кулаком, так, что дверь задрожала.

Изнутри донёсся звон стекла, глухое ругательство и приглушённое: «Сейчас! Не входите! Я взрываюсь!»

— Он всегда взрывается? — спросила Вера у Клюва, который остался наверху.

— Обычно — да. Если не взрывается — значит, заболел.

Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо — бледное, худое, с залысинами и тёмными кругами под глазами.

— Чего надо? — спросил человек хриплым голосом.

— Меня послала Кремнева, — сказала Вера, импровизируя на ходу. — Сказала, вы варите зелья без магии.

— Кремнева? — Человек поморщился. — У неё роды были тяжелые. Я ей давал отвар от воспаления. Помогло?

— Она родила. Троих. Все живы.

— А, ну и хорошо. — Человек хотел закрыть дверь, но Вера успела подставить ногу.

— Мне нужна ваша помощь.

— Я не помогаю. Я варю зелья. На заказ. Дорого.

— У меня нет денег, — сказала Вера.

— Тогда не помогу.

Дверь дёрнулась, но нога Веры держала крепко.

— Я покажу вам кое-что. То, чего вы никогда не видели.

Человек замер. В щели блеснул глаз — внимательный, цепкий, голодный.

— Что?

— Лекарство. Из другого мира. Без магии.

Пауза. Три секунды. Потом дверь распахнулась.

— Заходи, — сказал Тео. — Но если врёшь — вылетишь быстрее, чем вошла.

Лаборатория оказалась именно тем, чего Вера ожидала от человека, который взрывается регулярно.

Это была одна большая комната с каменными стенами, покрытыми копотью. Потолок — низкий, сводчатый, с подтёками от протекавшей когда-то воды. Вдоль стен — стеллажи. Не ровные, не прочные — собранные из того, что было под рукой: досок, ящиков, даже старых книг, поставленных вместо ножек.

На стеллажах — банки. Сотни банок. Стеклянные, керамические, железные. В банках — что-то плавало, пузырилось, дышало. Вера заметила заспиртованный глаз — огромный, с вертикальным зрачком — и решила не спрашивать, чей он.

На столе — посреди комнаты — царил настоящий хаос. Колбы, реторты, пузырьки, пробирки. Деревянные ложки, железные шпатели, щипцы и какие-то устройства, назначение которых Вера даже не пыталась угадать. Всё это было покрыто налётом, подтёками и разноцветными пятнами.

В углу стояла печь — маленькая, чугунная, с выгнутой дверцей. Дверца была открыта, и оттуда виднелись угли. Над печью висел котёл — в нём что-то булькало, издавая звуки, похожие на икоту.

Воздух здесь был плотным. Пахло кислым, сладким, горьким и ещё чем-то, что Вера не могла описать — металлическим, как в карете, но более резким.

Тео стоял посреди этого хаоса и смотрел на Веру.

Он был тощим. Руки — длинные, с выступающими суставами. Халат — грязный, когда-то белый, а теперь серо-зелёный с фиолетовыми разводами. Волосы — жидкие, сосульками свисающие на лоб. На залысинах — следы чего-то зелёного, похожего на плесень.

— Ну? — сказал он. — Где твоё лекарство?

— Сначала вопрос, — ответила Вера, не выпуская чемоданчик. — Кто вы?

— Тео. Я же сказал.

— Тео — хорошо. А почему вы решили варить зелья без магии?

— Потому что магия у меня не получается. — Тео дёрнул плечом. — Совсем. Абсолютно. Ноль. Хуже, чем у камня. А лечить хотелось. Вот и начал колдовать по-другому.

— И часто у вас получается?

— Угадал — три раза из десяти. — Он криво усмехнулся. — Остальные семь — взрывы, отравления и жалобы соседей.

Внутри что-то булькнуло, зашипело — и из котла вырвал-

ся клуб фиолетового дыма. Тео не обратил внимания.

— Теперь мой вопрос, — сказал он. — Откуда ты знаешь Кремневу?

— Я принимала у неё роды, — ответила Вера.

— Ты? — Тео окинул её взглядом. — Ты не похожа на повитуху.

— Я фельдшер. Врач скорой помощи.

— Что такое «скорая помощь»?

— Это когда кто-то умирает, а ты едешь и спасаешь.

Тео помолчал. Его лицо стало серьёзнее.

— Покажи лекарство, — сказал он.

Вера достала ампулу.

Пенициллин. Остатки на дне — мутноватая жидкость с белым осадком. Она держала ампулу на раскрытой ладони, не отдавая.

Тео наклонился. Глаза его сузились.

— Можно? — спросил он.

— Аккуратно.

Он взял ампулу дрожащими пальцами. Поднёс к носу. Понюхал. Чихнул. Колба, которая стояла рядом, упала и разбилась. Тео не обратил внимания.

— Откуда это? — спросил он шёпотом.

— Из другого мира.

— Я чую. — Он снова понюхал. — Здесь нет магии. Вообще. Что это?

— Пенициллин. Антибиотик. Убивает маленьких тварей,

которых не видно, — бактерии.

Тео поднял голову. Глаза его расширились.

— Твари? — переспросил он. — Незримые? Которые живут внутри и делают человека больным?

— Да.

— Я знал! — Тео вскочил, чуть не опрокинув стул. — Я говорил! Я говорил всем — магия не лечит, она затыкает дыры! А твари остаются! Их нужно выгонять! И выгонять не магией, а…

Он запнулся. Посмотрел на ампулу. Потом на Веру.

— Этим, — сказал он уже тише.

— Этим, — подтвердила Вера.

Тео сел обратно на стул. Теперь он не прыгал — он смотрел на ампулу, как на живую.

— Сделайте такое же, — сказала Вера.

— Не могу, — ответил Тео. — Я не знаю состав. Я не знаю, что там внутри. Я никогда такого не видел.

— А если я покажу, как оно работает? Расскажу принцип?

Тео задумался.

— Принцип — это мало. Мне нужен образец. Кусочек того, из чего это сделано. Плесень, ты сказала?

— Плесень рода Penicillium.

— Я не знаю такого рода. — Тео развёл руками. — Моя плесень — синяя, пушистая. Она убивает всё подряд — и плохое, и хорошее. Однажды я вырастил плесень, которая пела. Правда, фальшиво. Пришлось сжечь.

Вера не знала, смеяться или плакать.

— Я оставлю вам этот образец, — сказала она, ставя ампулу на стол. — Это всё, что у меня есть. Попробуйте скопировать.

— А если не получится?

— Тогда я умру. И мои пациенты тоже.

Тео посмотрел на неё строго.

— Ты не шутишь?

— Я не шучу.

— Все шутят. Люди приходят, просят зелье, а когда я говорю, что оно может убить — смеются. Но ты не смеёшься. Почему?

— Потому что я видела смерть. Часто. И не хочу видеть её снова.

Тео замолчал. Взял ампулу, поднёс к свету.

— Ты странная, — сказал он наконец.

— Я фельдшер. Привыкай.

Внутри котла что-то взорвалось. Фиолетовый дым вырвался наружу, окутал Тео и Веру, заставил чихать и кашлять.

— Извините, — сказал Тео, вытирая лицо. — Это отвар от кашля. Не очень удачный.

— Он разве лечит?

— Он убивает. Кашель, пациента и всё вокруг. Я работаю над формулой.

Вера хотела уйти. Взялась за чемоданчик, но Тео вдруг

сказал:

— Подожди.

Она обернулась.

Тео стоял у стола, сжимая ампулу в обеих руках. Лицо у него было серьёзным — без той безуминки, которая была раньше.

— Я не умею делать вещи с первого раза, — сказал он. — У меня получается с десятого. Или с двадцатого. Или никогда. Если ты оставишь мне образец — я буду пробовать. Но не обещаю.

— Я ничего не прошу обещать, — ответила Вера. — Делай.

— А если я умру?

— Тогда я найду другого алхимика.

Тео усмехнулся — криво, невесело.

— Не найдёшь. Я здесь единственный, кто работает без магии. Остальные — или маги, или шарлатаны.

— Тогда не умирай, — сказала Вера. — У тебя есть работа.

Она повернулась к двери.

— Вера, — окликнул Тео.

Она обернулась ещё раз.

— Ты не спросила, почему я помогаю тебе бесплатно.

— А почему?

— Потому что ты первая, кто пришёл не за чудом. Ты пришла за работой.

Тео убрал ампулу в нижний ящик стола — туда, где было поменьше пыли и грязи.

— Я сделаю, — сказал он. — Не знаю как, но сделаю.

Вера кивнула и вышла.

Клюв сидел на перилах крыльца, нахохлившийся.

— Жива?

— Жива.

— Он не взорвался?

— Пока нет.

— Вот и хорошо. — Ворон спрыгнул, пошёл к карете. — Я уж думал, придётся тебя откапывать.

Они забрались внутрь. Карета тронулась.

— Странный он, — сказала Вера.

— Кто? Тео? — Клюв фыркнул. — Он не странный. Он безумный. Но умный. Если кто и сможет повторить твоё лекарство — только он.

— Почему ты так уверен?

— Потому что он уже год пытается повторить чужое зелье от кашля. Взорвал три колбы, два котла и соседский сарай. Зелье не повторил, но сарай получился красивый. — Клюв помолчал. — Но он не сдаётся. Это важно.

Вера смотрела в мутное окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.